

A close-up photograph of a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a blue button-down shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a dark, sleeveless top. They are both smiling slightly and looking towards the camera. The background is softly blurred, showing warm, indoor lighting.

Нелюбовь

Максим Козлов

18+

Максим Козлов

Нелюбовь

*<https://litres.ru/74015336>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Михаил Данилов — нейробиолог, доказавший, что любовь есть не более чем дофамин, окситоцин и вазопрессин. Его бестселлер «Любви не существует» развенчал романтический миф, а собственный брак, построенный на юридическом контракте с ежегодной оценкой эффективности, служит тому практическим подтверждением. Всё рационально. Всё под контролем. Но случайная встреча на конференции запускает цепь событий, которые не объяснить ни одним анализом. Герой знает: то, что он чувствует, — всего лишь химия. Однако знание не спасает. Он теряет работу, семью, репутацию. А когда биохимия неизбежно выравнивается, остаётся один — с единственным вопросом: чем была его «великая любовь» — иллюзией или единственной подлинной реальностью? «Нелюбовь» — это роман-коллаж из дневников, научных статей и писем. Книга разочарует и романтиков, и циников, потому что правда о любви неудобна: это иллюзия, которую мы выбираем поддерживать. И этот выбор делает её настоящей.

Содержание

Контракт	4
Стокгольм	19
Сбой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Козлов

Нелюбовь

Контракт

Утром в понедельник Данилов проснулся ровно в шесть сорок пять, за пятнадцать минут до будильника. Он всегда просыпался раньше будильника. Это была привычка, выработанная годами лабораторной работы, когда каждая минута сна рассчитывалась по формуле, выведенной им самим: оптимальная продолжительность — семь часов двенадцать минут, отклонение — не более девяти минут. Он лежал на спине, глядя в потолок, на котором трещина в штукатурке напоминала разветвление нейронной сети. Трещина появилась три года назад, и Данилов каждый раз думал, что надо бы замазать, но не замазывал. Она была точной копией дендритного дерева пирамидального нейрона гиппокампа, и это его забавляло.

На кухне уже гудела кофемашина. Жена вставала раньше. Их квартира была просторной и светлой, с окнами на южную сторону, в новом доме на Мичуринском. Квартира была куплена в ипотеку, оформленную строго пополам, как и всё в их браке. Мебель — шведский минимализм, который они выбрали вместе, сравнив тридцать четыре варианта по деся-

тибалльной шкале эргономичности. Никаких картин на стенах, кроме одной — репродукция схемы синаптической передачи из атласа Кахала, подаренная коллегами на свадьбу. Надпись на рамке: «Всё есть химия».

Данилов спустил ноги на пол. Паркет был холодным. Он нащупал тапочки — ровно на том месте, где оставил их вечером. Жена приучила его к порядку, за что он был ей благодарен. В молодости, в аспирантуре, он жил в свинарнике, и это отвлекало. Беспорядок создаёт шум в рабочей памяти, снижая продуктивность на двенадцать-пятнадцать процентов. Теперь каждый предмет имел своё место, и Данилову это нравилось. Нравилось — не то слово. Он не любил слова «нравится». Он предпочитал «оптимально». Это оптимально, когда вещи лежат на своих местах.

На кухне сидела Елена. Она просматривала журнал «Nature Neuroscience» на планшете и пила зелёный чай. Никакого кофе — кофеин повышал у неё тревожность, она проверяла это на себе в течение полугода, вела дневники, строила графики, потом предъявила ему результаты. Он не спорил. Спорить с данными глупо.

— Доброе утро, — сказал он. — Доброе, — она не подняла глаз. — Сегодня оценка. — Я помню.

Он налил себе кофе без сахара и сел напротив. Кофе был именно той температуры, которую он предпочитал — шестьдесят два градуса. Елена каким-то образом всегда подгадывала так, чтобы кофе был готов к его приходу. Возможно, она

слышала его шаги. Возможно, у неё было внутреннее чувство времени. Данилов не спрашивал. Это была одна из тех мелочей, которые делали их партнёрство эффективным.

Их браку было девять лет. Точнее — девять лет и четыре месяца.

Они заключили контракт на десять лет.

Данилов помнил тот вечер в кафе на территории университета. Они только что закончили совместную статью про корреляцию окситоциновых рецепторов и длительности моногамных отношений у желтобрюхих полёвок. Статья пошла в хороший журнал. Они сидели за пластиковым столиком, ели безвкусные сэндвичи, и Елена вдруг сказала: «Слушай, нам же хорошо вместе. Давай поженимся. Но только без всей этой романтической чуши. Как партнёры. Я тут набросала кое-что».

И вытащила из сумки листок.

Это было похоже на неё. Елена всегда носила с собой блокнот и записывала идеи, даже самые абсурдные. Она была лучшим нейрохимиком в их лаборатории, возможно, лучшим в стране. Когда она говорила о чем-то, это уже было продумано и просчитано. Её мозг работал как идеально отлаженный механизм — Данилов часто думал, что женился бы на её мозге, а тело было приятным дополнением.

Листок содержал тезисы. Данилов прочитал их, улыбнулся. Потом перечитал.

Всё было логично.

Они заключили контракт.

Официальный брак, зарегистрированный в загсе, потому что иначе — проблемы с налогами, с наследством, с арендой лабораторного оборудования, которое иногда оформляли на семью. Но поверх официального брака — частный договор, составленный ими обоими, распечатанный в двух экземплярах, подписанный и заверенный у нотариуса. Нотариус, пожилой мужчина с усталым лицом, прочитал документ дважды и спросил: «Вы серьёзно?» Елена ответила: «Абсолютно». Нотариус пожал плечами и поставил печать.

Контракт состоял из семнадцати пунктов. Первый пункт гласил: «Настоящий союз является партнёрством, основанным на рациональном расчёте и взаимной выгоде. Стороны признают, что романтическая любовь есть временное нейрохимическое состояние, и не обязуются испытывать её в течение срока действия контракта». Второй пункт определял срок — десять лет с правом продления. Третий пункт регулировал сексуальные отношения: не реже одного раза в неделю, не чаще трёх раз, по взаимной договорённости, в дни, свободные от интенсивной лабораторной работы. Четвёртый — финансы: общий бюджет, но личные сбережения неприкосновенны. Пятый — дети: вопрос откладывается до завершения текущего исследовательского гранта, после чего будет рассмотрен на основе анализа временных и материальных ресурсов. И так далее, вплоть до семнадцатого пункта — о процедуре расторжения.

Каждый год они проводили оценку эффективности.

Сегодня была девятая оценка.

Данилов допил кофе и пошёл в душ. Вода должна была быть сорока двух градусов, он выставил регулятор. Под струёй он закрыл глаза и подумал, что через год контракт истекает, и нужно будет решать, продлевать ли его. Скорее всего, да. Елена была идеальным партнёром. Она не раздражала его, не требовала эмоций, не ждала цветов. Они говорили на одном языке — языке цифр, графиков, статистической значимости. Они понимали друг друга. Понимание — вот что важно, а не бабочки в животе. Бабочки — это всего лишь выброс норадреналина, снижение серотонина до уровней, сравнимых с обсессивно-компульсивным расстройством. Данилов писал об этом в своей книге. Книга называлась «Любови не существует», и она сделала его знаменитым.

Когда он вышел из душа, Елена уже ушла. На столе лежала записка: «Оценка в 20:00. Не опаздывай. Я приготовила презентацию». Данилов усмехнулся. Презентация. Она действительно готовила презентации к ежегодной оценке — со слайдами, графиками и выводами. Первые пару раз он думал, что это шутка, но Елена не шутила. Она никогда не шутила о делах.

Он оделся в свой обычный костюм — у него было три одинаковых серых костюма, чтобы не тратить время на выбор. Выбор одежды — это когнитивная нагрузка, а когнитивную нагрузку нужно оптимизировать. В лабораторию он приехал

к восьми.

Лаборатория нейробиологии межличностных отношений занимала целое крыло четвёртого этажа университетского комплекса. Данилов возглавлял её последние пять лет, после того как предыдущий заведующий, старик Брагинский, ушёл на пенсию. Брагинский был романтиком — он до сих пор верил, что в любви есть нечто непознаваемое, нечто, не сводимое к биохимии. Данилов уважал его как учёного, но считал эту позицию сентиментальным бредом. Непознаваемого не существует. Существует только непознанное. А граница между ними — это просто вопрос времени и методов.

Сегодня у него была запланирована работа с аспиранткой — они анализировали фМРТ-снимки влюблённых. Проект шёл третий год. Они набрали группу испытуемых — сорок два человека, находящихся в первой стадии романтических отношений, срок от трёх до девяти месяцев. Им показывали фотографии их партнёров и незнакомых людей, и отслеживали активность мозга. Результаты были предсказуемыми. Вентральная тегментальная область загоралась, как новогодняя ёлка, когда испытуемые видели объект своей «любви». Хвостатое ядро пылало дофамином. Островковая доля реагировала на любой намёк на угрозу отношениям. Всё это Данилов описал ещё в книге, но проект нужен был для новых данных. Новые данные — это новые гранты. Новые гранты — это новые приборы. Приборы — это власть.

Аспирантку звали Кира. Ей было двадцать четыре, она

была способной, но излишне эмоциональной. Данилов пару раз ловил на себе её взгляды, и его это раздражало. Он знал, что у студентов иногда возникает так называемый перенос — они проецируют на преподавателя родительские фигуры или романтические фантазии. Это было изучено, описано, классифицировано. В ответ на это требовалось соблюдать дистанцию. Он соблюдал. Даже нарочно был с ней холоднее, чем с другими.

— Доброе утро, Михаил Андреевич! — Кира улыбнулась слишком широко. — Доброе. Отчёт по вчерашним снимкам готов? — Да, вот. — Она протянула распечатку. — У испытуемой номер семнадцать аномальный всплеск в миндалевидном теле. Я подумала... — Это страх, — перебил Данилов. — Она боится своего партнёра. Исключите её из выборки. Это исказит результаты. — Но может, это просто тревожная привязанность? Мы могли бы... — Исключите. Мы изучаем типичные паттерны, а не клинические случаи.

Кира кивнула и опустила глаза. Данилов заметил, что у неё дрогнули губы. Ему стало неприятно. Не то чтобы он чувствовал вину — вина была для него такой же химической реакцией, как и всё остальное, — но он не любил создавать неэффективные ситуации. Расстроенный сотрудник работает хуже. Надо будет как-нибудь похвалить её за что-нибудь, чтобы сбалансировать дофаминовый фон.

Он прошёл в свой кабинет и сел за стол.

Кабинет был обставлен скупой. Стол, три стула, шкаф с

книгами, на стене — портрет Павлова, почему-то оставшийся от Брагинского. Данилов не стал его снимать. Павлов был великим учёным, хоть и ошибался во многом. На столе стояла фотография — он и Елена на конференции в Барселоне, пять лет назад. Они оба смотрят в объектив, не улыбаются. Им не нужны улыбки.

Данилов открыл ноутбук и проверил почту.

Среди приглашений на конференции, запросов от журналов и циркуляров из министерства было письмо от издателя. Книга «Любви не существует» продалась тиражом больше полумиллиона экземпляров на четырёх языках. Издатель предлагал написать продолжение — что-нибудь про дружбу, про родительскую любовь, про патриотизм. Всё разложить по полочкам. Данилов подумал, что это можно сделать. Тема была благодатной. Люди всё ещё верили в сказки. Он мог бы развенчать и эти мифы. Но для этого нужны были новые исследования, а значит, новый грант. Он сделал пометку в ежедневнике.

В двенадцать он пообедал в университетской столовой. Рыба с рисом, зелёный чай. Питание должно быть регулярным и сбалансированным. Глюкоза нужна мозгу, белок нужен нейротрансмиттерам. Всё просто.

После обеда у него была лекция для студентов четвёртого курса. Тема: «Нейрохимия привязанности». Он читал эту лекцию в пятый раз, и знал её наизусть. Студенты слушали внимательно — он умел говорить увлекательно даже

о скучных вещах. Это было его талантом. Он рассказывал о прерийных полёвках, которые хранят верность партнёру, потому что у них высокая плотность окситоциновых рецепторов в прилежащем ядре. Рассказывал о людях, у которых ген AVPR1A определяет склонность к моногамии или промискуитету. Показывал графики, схемы, снимки. Студенты смеялись, когда он говорил: «Любовь — это просто способ заставить вас размножаться. Природа не заботится о вашем счастье. Ей нужно, чтобы вы передали гены дальше. А для этого она награждает вас дофаминовым кайфом, который вы принимаете за нечто возвышенное».

Одна студентка подняла руку. Худая девушка в больших очках, похожая на Елену в молодости.

— А вы сами верите в любовь?— Я верю в данные, — ответил Данилов. — Данные говорят, что любовь — это химия. Значит, я верю в химию.— Но вы женаты.— Да. И мой брак — лучшее подтверждение моей теории. Мы с женой — партнёры, и это работает лучше, чем все эти... чувства. — Он сделал паузу. — Чувства — это переменная с высокой дисперсией. На них нельзя строить долгосрочные отношения. А на рациональном расчёте — можно.

Студенты зашумели. Кто-то хмыкнул, кто-то покачал головой. Данилову было всё равно. Он привык к такой реакции. Его книга вызывала споры — от обожания до проклятий. Его приглашали на ток-шоу, где он сидел напротив поэтов и философов, и они кричали, что он убивает душу, а он

спокойно отвечал, что души не существует, пока не доказано обратное. Рейтинги были высокими. Издатель был доволен.

После лекции он вернулся в лабораторию и проработал до шести. Потом поехал домой.

Оценка.

Елена уже ждала его в гостиной. Она переделалась в домашнее — серые брюки, белая рубашка. Никакого макияжа, волосы собраны в хвост. Она выглядела строго и деловито, как на заседании учёного совета. На журнальном столике стоял ноутбук, подключённый к телевизору. На экране — первый слайд презентации: «Оценка эффективности брачного партнёрства. Год 9».

Данилов сел в кресло. Елена стояла с пультом в руке.

— Начнём? — спросила она. — Начинай.

Она нажала кнопку. Второй слайд: «Финансовые показатели». График их доходов и расходов за год. Красная линия — доходы (растут), синяя — расходы (стабильны). Итог: профицит 23 процента. Оценка: отлично.

Третий слайд: «Бытовые условия». Распределение домашних обязанностей. Круговая диаграмма: 50 на 50, с погрешностью 2 процента в пользу Елены (она брала на себя вызов сантехника и общение с управляющей компанией). Оценка: хорошо.

Четвёртый слайд: «Сексуальная сфера». Частота, продолжительность, взаимная удовлетворённость (по десятибалльной шкале, среднее за год — 7,8). Оценка: удовлетворитель-

но, с рекомендацией повысить разнообразие в следующем периоде.

Данилов слушал и время от времени кивал. Он и сам готовил мысленный отчёт, и их оценки в целом совпадали. Это было удобно. Это было предсказуемо.

Пятый слайд: «Эмоциональная поддержка». Елена зачитывала тезисы.

— В этом году у тебя был тяжёлый период с рецензией на статью в Science. Я выслушала тебя трижды, что соответствует протоколу. Ты выслушал меня дважды — по поводу конфликта с деканом и по поводу смерти моей тётки. Я оцениваю как «удовлетворительно», поскольку в случае с тёткой ты предложил рациональный анализ ситуации, но не проявил эмпатии. Мне нужна была не аналитика, а сочувствие.

Данилов пожал плечами.

— Ты знала, за кого выходишь. Я нейробиолог, а не психотерапевт.— Я знала. Но запрос был зафиксирован. Ты мог бы симитировать.— Имитация неэффективна. Я предпочитаю честность.

Елена помолчала, глядя в свои заметки. Потом кивнула.

— Принято. Продолжим.

Шестой слайд: «Интеллектуальное сотрудничество». Совместные статьи, проекты, обсуждения. Оценка: отлично. Они написали за год две статьи и запустили новое исследование. Это была лучшая часть их брака, и Данилов знал, что Елена так же считает. Они были идеальной научной парой,

и все в университете это признавали.

Седьмой слайд: «Общие цели». Перспективы продления контракта. Елена смотрела на него поверх очков.

— Через год контракт истекает. Я предлагаю начать обсуждение сейчас, чтобы принять взвешенное решение. У меня есть предварительные соображения.

Данилов напрягся. Он не ожидал, что она поднимет эту тему сегодня. Он думал, у них ещё год.

— Какие соображения?— Я считаю, что контракт следует продлить ещё на пять лет. Условия оставить прежними, с небольшими корректировками. Пункт о детях — я готова рассмотреть рождение одного ребёнка, при условии найма няни и сохранения моей рабочей нагрузки не менее 80 процентов от текущей.

Данилов молчал. Ребёнок. Это слово прозвучало как-то странно, не вписывалось в презентацию. Он представил себе младенца в их квартире — крик, пелёнки, нарушенный режим. Нет. Это невозможно. Но он не сказал этого вслух. Вместо этого он кивнул.

— Я обдумаю.

Елена пристально посмотрела на него, но ничего не добавила. Она закрыла презентацию и села в кресло напротив.

— Теперь ты, — сказала она. — Твои замечания.

Данилов прокашлялся. У него было два замечания. Первое — она слишком часто оставляла посуду в раковине на ночь, а не мыла сразу. Это создавало визуальный шум. Вто-

рое — она стала реже инициировать секс, ссылаясь на усталость, и это снижало общую оценку по сексуальной сфере. Елена записала оба пункта в блокнот и пообещала скорректировать поведение.

На этом официальная часть закончилась. Они поужинали — запечённая рыба с овощами, приготовленная Еленой по графику (готовили они по очереди, неделю через неделю). За ужином обсуждали новый грант и конференцию в Стокгольме, куда обоих пригласили с докладами.

Всё было хорошо. Всё было правильно.

Данилов лежал в постели и слушал дыхание жены. Она заснула быстро, как всегда. У неё был отличный сон — глубокий, ровный, без пробуждений. Она сама говорила, что её мозг умеет отключаться, когда нужно. Он завидовал этому. Его собственный мозг часто продолжал работать, прокручивая дневные данные, споря с оппонентами, формулируя тезисы для будущих статей.

Он думал о контракте.

Продлить на пять лет. Это логично. Они отлично функционируют вместе. Но что-то в нём сопротивлялось. Что-то, чему он не мог подобрать название. Он попытался проанализировать это чувство — лёгкий дискомфорт в груди, будто маленький камень застрял где-то под рёбрами. Может, это просто несварение. Рыба была слишком солёной.

Или это страх перед ребёнком. Да, наверное, так. Страх, что ребёнок нарушит его работу, его режим, его тишину.

Это объяснимо. Это эволюционно обусловленная реакция — самцы многих видов сопротивляются родительству, потому что оно требует ресурсов.

Он повернулся на бок и закрыл глаза.

Завтра нужно было доделать статью. И ещё письмо из Стокгольма — подтвердить участие в конференции. Тема конференции была «Биология и культура: новые границы». Скучная тема, но Стокгольм — это Стокгольм. Можно будет посмотреть на старый город, выпить хорошего кофе, купить Елене какой-нибудь сувенир. Она любила керамику. У них была полка с керамическими кружками из всех городов, где они побывали вместе. Это была её идея — коллекция как материальное свидетельство совместной истории. Он считал это сентиментальным, но не возражал. Кружки не занимали много места.

Сон пришёл в два часа ночи. Данилову приснилась странная вещь — будто он стоит на краю обрыва, и внизу море, и кто-то зовёт его по имени голосом, которого он не знает. Он просыпался в поту, но к утру забыл этот сон.

Утром был вторник. Дождь барабанил по стеклу. Данилов проснулся ровно в шесть сорок пять, за пятнадцать минут до будильника. Трещина на потолке была на месте. Кофемашина на кухне гудела. Всё повторялось.

Но что-то изменилось.

Он понял это не сразу. Только когда вышел к завтраку и увидел Елену, склонившуюся над планшетом, и она подня-

ла глаза, и он встретил её взгляд — спокойный, оценивающий, привычный. И вдруг подумал: я знаю о ней всё. Каждую молекулу её нейромедиаторов, каждый паттерн её поведения, каждую реакцию. Я могу предсказать, что она скажет, прежде чем она откроет рот. Я могу рассчитать её настроение по фазе менструального цикла. И эта предсказуемость — она была не уютной, она была удушающей.

— Доброе утро, — сказала Елена.— Доброе, — ответил он.

И подумал: неужели так будет всегда.

Он не знал тогда, что через три недели полетит в Стокгольм и встретит женщину, которая скажет ему: «Любви не существует, я читала вашу книгу». И согласится с каждым его словом. И улыбнётся так, что у него перехватит дыхание, и анализы потом покажут то, что он и так знал без анализов — дофамин, серотонин, норадреналин, весь этот коктейль, который люди называют любовью.

Но это будет потом.

А пока было утро вторника. Дождь за окном. Жена напротив. И долгий, предсказуемый, рациональный день впереди.

Данилов взял чашку кофе и сделал глоток. Кофе был температуры шестьдесят два градуса. Идеально.

Всё было идеально.

И от этого хотелось выть.

Стокгольм

Самолёт приземлился в Арланде в девять сорок по местному. Данилов не спал всю дорогу — не из-за турбулентности или неудобного кресла, а потому что рядом сидел толстяк, который храпел с частотой, напоминавшей сигнал неисправного томографа. Данилов считал храп. На две тысячи семисотом вдохе он сбился и стал смотреть в иллюминатор. Облака были плотные, серые — ноябрь в Швеции не баловал солнцем.

Он думал о том, что сказал Елене перед отлётом.

Ничего особенного. «Пока». Она кивнула, не отрываясь от статьи. Они не целовались на прощание — это не было предусмотрено протоколом. Поцелуи в их браке имели функциональное значение: либо часть прелюдии, либо формальность при публичных мероприятиях. В аэропорту не было публики, и прелюдия не планировалась. Так что «пока» было оптимальным прощанием.

Но когда он уже шёл к гейту, его настигло странное чувство — как будто он что-то забыл. Не паспорт, не бумажник, не телефон. Что-то другое. Он проверил карманы, потом внутреннее состояние. Ничего. Ложная тревога. Мозг иногда генерирует сигналы без причины — спонтанная активность нейронов, так называемый нейронный шум. Он записал это в мысленный блокнот как курьёз.

Теперь, в такси по дороге из аэропорта, он снова вспомнил об этом. Нейронный шум. Или нет.

За окном проносились леса, озёра, аккуратные домики с черепичными крышами. Всё чистое, прибранное, как лаборатория после кварцевания. Швеция напоминала ему идеально спланированный эксперимент — каждая деталь на месте, никаких лишних переменных. Ему это нравилось. И не нравилось одновременно. Слишком стерильно. Даже снег, начавший падать крупными хлопьями, выглядел каким-то синтетическим.

Конференция проходила в отеле «Кларион» в центре города. Регистрация, бейджики, программка на плотной бумаге. Данилов взял программку и пробежал глазами. Пленарные доклады, секции, круглые столы. Его собственное выступление было запланировано на пятницу, последний день — организаторы явно считали, что его тема соберёт аудиторию под занавес. «Любовь как нейрохимический конструкт: обзор современных данных». Скучное название, но он нарочно сделал его скучным. Он не любил сенсаций. Сенсации — удел шарлатанов.

Администраторша за стойкой выдала ключ-карту и сказала с акцентом, который делал её английский похожим на пение: «Номер четыреста двенадцать, четвёртый этаж, лифт направо. Завтрак с шести до десяти. Приятного пребывания, профессор Данилов».

Он кивнул. Приятное пребывание. Ещё одна условность.

Номер оказался стандартным — кровать, стол, стул, телевизор, который он не включит, ванная с белыми полотенцами, сложенными лебедем. Лебедь его развеселил. Интересно, сколько времени горничная тратит на этих лебедей? Минуту? Полторы? Если в отеле триста номеров, и в каждом лебедь, то общее время — от трёхсот до четырёхсот пятидесяти минут в день. Пять-семь часов. Целый рабочий день, потраченный на сворачивание полотенца. Человечество тратит себя на удивительно бессмысленные вещи.

Он развернул лебедя, бросил полотенце на кровать, достал ноутбук и проверил почту. Два письма. Первое от Елены — короткое, в её обычном стиле. «Долетел? Как номер?» Второе от Киры, аспирантки — длинное, с вопросами по поводу одного из графиков. Данилов ответил обоим. Елене: «Долетел, номер стандартный, всё в порядке». Кире: «Перепроверьте ось Y, у вас там, кажется, смещение на полпроцента». Он не перечитывал письма перед отправкой. Зачем? Слова — это просто контейнеры для информации. Если информация доставлена, контейнер можно выбросить.

Потом он спустился в конференц-зал.

Первое пленарное заседание было посвящено эпигенетике стресса. Выступал пожилой немец с седой бородой, который говорил монотонно и смотрел поверх очков. Данилов слушал вполуха, записывая в блокнот только те данные, которые могли пригодиться для его собственной работы. Остальное время он разглядывал аудиторию. Человек

двести. Биологи, нейробиологи, несколько философов (их он определял по мятым пиджакам и отсутствию бейджиков с указанием лаборатории). Все приехали обсуждать границы биологии и культуры, как будто эти границы вообще существовали. Данилов считал, что культура — это просто биология, растянутая во времени и распределённая по популяции. Нет никакой границы. Есть только химия и её производные.

Он бы скучал весь день, но вечером был приём — коктейль в холле отеля, неформальное общение, вино и канапе. Данилов не любил такие мероприятия. Разговоры ни о чём, шутки, которые нужно понимать, обязательные улыбки. Всё это требовало актёрской игры, а он был плохим актёром. Но посещать было нужно — нетворкинг, как это называли менеджеры. Связи. Контакты. Возможные коллаборации.

Он оделся в свой серый костюм — второй из трёх, тот, что взял с собой — и спустился в холл.

Зал был полон. Гул голосов перекрывал тихую музыку. Официанты сновали с подносами. Данилов взял бокал белого вина и встал у колонны, откуда было удобно обозревать пространство. Он всегда выбирал такие позиции — спина прикрыта, обзор максимальный. Древний инстинкт, доставшийся от приматов: не подставляй спину хищнику. В современном мире хищниками были коллеги, готовые украсть твою идею или высмеять тебя за спиной.

Он заметил знакомых — профессора Мори из Токийского университета, которая кивнула ему издалека; Бразильца, ко-

торый специализировался на МРТ и вечно хвастался своим аппаратом; двух шведов, чьих имён он не помнил. Никого, с кем бы ему хотелось поговорить. Он уже собирался уйти, когда рядом раздался голос.

— Профессор Данилов? Михаил Андреевич?

Голос был низкий, с хрипотцой — такие голоса называют «бархатными», и Данилов всегда считал это глупой метафорой. При чём тут бархат? Голосовые связки колеблются, воздух резонирует в гортани, никакого текстиля. Но метафора всё равно возникла в голове, против его воли.

Он обернулся.

Женщина стояла в полуметре. Примерно его возраста — тридцать пять, может, тридцать семь. Тёмные волосы до плеч, не уложенные в причёску, а просто расчёсанные, как будто она забыла о них. Лицо без косметики, или с косметикой, нанесённой так, что она незаметна — он не разобрался. Глаза светлые, серые или голубые, в полутьме холла было не понять. Одета в тёмно-синий брючный костюм, который сидел на ней так, как сидит одежда на людях, которым плевать на одежду. Бейджик на лацкане. Он скосил глаза: «Анна Бергстрём, Каролинский институт».

— Да, это я, — сказал он. — Я читала вашу книгу, — она улыбнулась. Улыбка была короткой, как вспышка. — «Любви не существует». Дважды читала. — И как? — Первый раз разозлилась. Второй раз согласилась.

Данилов почувствовал что-то вроде интереса. Обычно

люди говорили либо «я в восторге», либо «вы циник и разрушаете прекрасное». Эта женщина сказала «разозлилась». Это было новым.

— Почему разозлились?— Потому что вы отняли у меня надежду, — она взяла бокал с подноса проходящего официанта, не глядя, как делают люди, привыкшие к таким приёмам. — Я всегда подозревала, что всё это химия. А вы подтвердили. И стало обидно. Как будто Деда Мороза разоблачили.— Вы верили в Деда Мороза?— До восьми лет. Потом перестала. Но помнила, как это было приятно — верить. Ваша книга сделала то же самое со взрослой мной. — Она отпила вина. — А потом я перечитала. И поняла, что вы правы. Абсолютно правы. И это освобождает.— Что именно освобождает?— От ожиданий. От иллюзий. От необходимости страдать из-за того, что кто-то тебя не любит. Если любовь — химия, значит, это можно регулировать. Как уровень сахара в крови.

Данилов кивнул. Она формулировала почти теми же словами, что и он сам. Это было необычно. Большинство людей, даже учёных, не могли принять его тезисы до конца. Они говорили «да, но...» и дальше следовала какая-нибудь сентиментальная чушь про душу или тайну. Эта женщина не говорила «но».

— Вы нейробиолог? — спросил он, хотя уже знал ответ — Каролинский институт, один из лучших в мире.— Нейрохимик. Занимаюсь аффективными расстройствами. Депрес-

сия, тревожность, обсессивно-компульсивное. Любовь тоже попадает в эту категорию, если посмотреть на неё под правильным углом.— Любовь — это обсессивно-компульсивное расстройство с благоприятным прогнозом, — процитировал он сам себя.— Да, я помню эту фразу. Это из третьей главы.— Из четвёртой.— Нет, из третьей. В четвёртой вы пишете про полёвок.

Данилов моргнул. Она была права. Он ошибся. Это случилось редко, и он не любил ошибаться, но сейчас ошибка почему-то не вызвала досады. Наоборот — она вызвала что-то похожее на радость. Кто-то знал его книгу лучше, чем он сам.

— Вы меня поймали, — сказал он.— Я вас изучала, — она снова улыбнулась. — Для статьи. Мы пишем обзор по нейробиологии романтической привязанности для «Neuroscience & Biobehavioral Reviews». Ваша книга — один из источников.— Серьёзный журнал.— Серьёзный журнал, серьёзная тема. Я хотела пригласить вас в соавторы, но потом решила, что вы, наверное, завалены предложениями.— Не настолько, чтобы отказаться от соавторства в «NBR».

Они проговорили ещё час.

Час — это много. Данилов обычно выдерживал светские беседы минут пятнадцать, потом начинал смотреть на часы. Сейчас он забыл о часах. Они стояли у колонны, потом переместились к окну, потом сели в кресла в углу холла. Официанты убрали пустые бокалы и ставили новые. Гул вокруг

стихал — конференция уходила спать, завтра был рабочий день. Они оставались.

Она рассказывала о себе. Родилась в Лунде, отец — швед, мать — русская, отсюда язык без акцента и странное для шведки имя Анна. Училась в Уппсале, потом переехала в Стокгольм. Была замужем, развелась три года назад — «биохимия угасла», сказала она так просто, как будто говорила о погоде. Детей нет. Работает с утра до ночи. Любит лыжи и чёрный кофе. Не верит в любовь.

— Совсем? — спросил Данилов. — Совсем. После развода я проверила свои анализы. У меня был повышен кортизол, понижен серотонин, и никакого дофамина на бывшего мужа. Всё, что я принимала за любовь, оказалось привычкой и страхом одиночества.

— Привычка — это дофаминовая петля, закреплённая повторением, — сказал Данилов. — Страх одиночества — активность миндалевидного тела. Вы всё верно диагностировали. — Вот именно. Я поставила себе диагноз и вылечилась. — Чем? — Работой. И пониманием. Когда знаешь механизм, он перестаёт тобой управлять.

Данилов кивнул. Он думал так же. Он жил так же. И сейчас, глядя на эту женщину — на её спокойные руки, держащие бокал, на её глаза, которые смотрели прямо, без кокетства, без смущения, — он чувствовал, как что-то внутри него откликается. Резонанс, подумал он. Просто когнитивный резонанс. Встреча с человеком, чья модель мира совпадает с

твоей. Это приятно, но это не магия. Это просто совпадение нейронных карт.

Но почему тогда сердце бьётся чаще?

Он замерил пульс мысленно — кажется, восемьдесят, может, девяносто ударов в минуту. Выше нормы. Вино. Наверное, вино. И усталость после перелёта. Сбой циркадных ритмов.

— Уже поздно, — сказал он. — Завтра у вас доклад?— Да, в первой секции. Про серотониновые транспортеры и романтическую привязанность.— Я приду.— Не ожидала. Вы, говорят, не ходите на чужие доклады.— Кто говорит?— Слухи. В### все про всех знают.— В академии, — поправил он автоматически.— Да, простите, русизм. В академии.

Она поднялась. Он тоже. Они стояли друг напротив друга, и Данилов вдруг заметил, что она выше, чем ему казалось — почти одного роста с ним, если считать каблуки, а каблуки были низкие, почти мужские.

— Спокойной ночи, профессор Данилов.— Михаил.— Михаил, — она попробовала имя на вкус. — А я Анна. Но вы уже знаете.

Она протянула руку. Он пожал. Ладонь была сухой и прохладной. Рукопожатие крепкое, но не демонстративное. Обычное рукопожатие. Ничего особенного.

Ничего особенного.

Он вернулся в номер. Лебедя больше не было — горничная, видимо, забрала его и не стала сворачивать нового, по-

тому что Данилов повесил табличку «не беспокоить». Он разделся, почистил зубы, лёг в постель. Потолок здесь был без трещин. Ровный белый гипсокартон. Он лежал и смотрел в эту белизну, и перед глазами стояло лицо Анны Бергстрём. Её короткая улыбка. Её слова: «Это освобождает».

Что освобождает?

Знание, что любви не существует.

Но если любви не существует, то что сейчас происходит у него в грудной клетке — этот странный ритм, это тепло, это ожидание завтрашнего дня? Завтра он увидит её на докладе. Он сядет в первом ряду. Он будет слушать её голос и смотреть, как она переключает слайды.

Это не любовь. Это просто новизна. Новый человек, новый стимул, активация дофаминовой системы. Мозг реагирует на новизну выбросом дофамина — это базовый механизм обучения. Чтобы чему-то научиться, нужно, чтобы новый стимул был помечен как важный. Дофамин — это маркер важности. Никакой магии. Никакой любви.

Он повторял это снова и снова, как мантру, пока не уснул.

На следующее утро он проснулся за пять минут до будильника. Шесть сорок по стокгольмскому времени. За окном было ещё темно, снег всё падал, укрывая город белым. Данилов сделал зарядку — пятнадцать минут стандартных упражнений, чтобы разогнать кровь и снизить кортизол, — потом пошёл на завтрак.

В ресторане было немногочисленно. Он взял овсянку, яйцо,

кофе, сел за столик у окна. За соседним столиком двое немцев обсуждали эпигенетику. Данилов ел и думал об Анне. О том, что она, возможно, тоже завтракает сейчас. Или бегаёт по набережной — она говорила, что бегаёт каждое утро, даже в дождь и снег. Он представил её в спортивном костюме, с мокрыми от пота волосами, и одёрнул себя. Это неприлично. Это нерационально. Думать о коллеге в таком контексте — нарушение профессиональной этики.

Но он всё равно думал.

В девять он уже сидел в зале, где проходила первая секция. Доклад Анны был вторым по счёту. Перед ней выступал молодой датчанин с прыщавым лицом, который рассказывал про кортизол и качество брака — банальщина, переливание из пустого в порожнее. Данилов слушал вполуха и рисовал в блокноте дендритные деревья. Трещина на потолке его квартиры. Он вдруг подумал, что эта трещина не совсем похожа на пирамидальный нейрон. Скорее на звездчатый. Или даже на клетку Пуркинье из мозжечка. Надо будет пересмотреть, когда вернётся.

Наконец объявили Анну Бергстрём.

Она вышла к трибуне — в том же тёмно-синем костюме, только волосы теперь были собраны в хвост. Без очков. Данилов заметил, что у неё маленькие уши с аккуратными мочками. Заметил — и тут же запретил себе это замечать. Неважно. Уши не имеют отношения к науке.

Она говорила по-английски с лёгким шведским акцен-

том, который делал её речь какой-то музыкальной. Тема была сложной — серотониновые транспортеры 5-НТТ и их полиморфизм в контексте романтической привязанности. Она показывала данные по короткому и длинному аллелям гена SLC6A4, связывала их с результатами фМРТ и опросников. Всё было грамотно, строго, без спекуляций. Данилов слушал и чувствовал, как внутри растёт что-то похожее на гордость. Гордость за неё. За то, что она так хорошо всё понимает. Как будто он имел к этому какое-то отношение.

После доклада были вопросы. Датчанин, тот самый, с прыщами, спросил что-то про контрольную группу. Анна ответила чётко, с цифрами. Потом поднялась женщина из зала — пожилая, в очках-велосипедах — и спросила про этические ограничения. Анна сказала, что все испытуемые дали информированное согласие. Данилов хотел задать вопрос тоже, но не стал. Он не хотел, чтобы она подумала, будто он её проверяет. Он просто сидел и смотрел.

Когда секция закончилась, он подошёл к ней.

— Отличный доклад.— Спасибо. Вы правда слушали?— Я же обещал.— Обещать и сделать — разные вещи, — она собирала бумаги в портфель, и на секунду их руки встретились над листком с графиком. Она отёрнула руку первой. Или он? Данилов не запомнил.— У вас сейчас что? — спросил он, хотя не планировал спрашивать.— Окно до обеда. Хотела прогуляться. Стокгольм красивый, когда снег. Вы были здесь раньше?— Нет. Впервые.— Хотите, покажу ста-

рый город? Это недалеко, пешком минут пятнадцать.

Он согласился, хотя должен был готовиться к своему докладу. До пятницы было ещё два дня. Подготовка могла подождать.

Они вышли из отеля. Снег перестал, но облака остались, и свет был рассеянный, как в лаборатории. Они шли по набережной, мимо пришвартованных катеров, мимо здания парламента, к старому городу. Анна рассказывала про Стокгольм — про то, как город стоит на четырнадцати островах, про то, что вода здесь такая чистая, что можно ловить рыбу в центре. Данилов слушал и думал, что ему нравится её голос. Нравится — опять это слово. Не оптимально. Не эффективно. А именно нравится.

В старом городе улочки были узкие, мощённые брусчаткой, дома красно-жёлтые, с острыми крышами. Они зашли в кофейню — крошечное помещение, где пахло корицей и жареным миндалём. Анна заказала два эспрессо и булочку с кардамоном.

— Попробуйте, это шведская классика. Называется «канельбулле». — Канель... что? — Булочка с корицей. Но кардамон лучше.

Он попробовал. Было вкусно. Он не любил сладкое — сахар вызывал сонливость, — но сейчас съел половину булочки и не заметил.

Они сидели у окна, за которым шли прохожие, и говорили. О науке, о лабораториях, о грантах, о публикациях. По-

том как-то незаметно перешли на личное. Анна спросила про его жену.

— Вы женаты, я знаю. На коллеге, верно?— Да. Елена. Мы вместе работаем.— Это удобно?— Очень удобно. Мы заключили контракт.— Контракт?

Данилов рассказал. Про десять лет, про ежегодную оценку, про пункты и подпункты. Он ожидал, что она удивится, может быть, осудит. Но она выслушала спокойно и сказала:

— Разумно. Я бы тоже так хотела. Но мой бывший муж был... не учёным. Он верил в любовь. И когда биохимия угасла, он решил, что я его предала.— А вы?— А я просто перестала вырабатывать дофамин в ответ на его лицо. Это не предательство. Это физиология.

Она посмотрела в окно, и Данилов увидел, как её лицо на мгновение стало другим — не таким уверенным, как обычно. Что-то дрогнуло в уголке губ. Но тут же исчезло.

— А вы никогда не жалели, что у вас такая... рациональная семья? — спросила она, снова поворачиваясь к нему.

Данилов задумался. Вопрос был простым, но он не знал ответа. Жалел ли он? Он не позволял себе жалеть. Жалость — это сожаление о прошлых решениях, а прошлые решения были оптимальными на момент принятия. Если бы он принял другое решение, оно было бы менее оптимальным. Значит, жалеть не о чем.

Но где-то глубоко, под слоем логики, что-то шевелилось. Маленькое, тёмное, неопознанное.

— Я не жалею, — сказал он. — Но иногда думаю, что мы... как два компьютера, обменивающиеся данными. Эффективно, но... — Но? — Но без помех. А помехи иногда... нужны.

Анна кивнула. Она не стала развивать эту тему, и Данилов был ей благодарен. Он сказал больше, чем хотел. Помехи. Что за бред. В хорошей системе нет помех. Помехи — это ошибки, а ошибки снижают эффективность.

Они вернулись в отель к обеду. В ресторане был шведский стол, и они сели вместе, уже как будто по умолчанию. Никто не удивился. Конференции — это место, где люди сближаются быстро, потому что все чужие и через три дня разъедутся. Данилов знал это. Знал статистику курортных романов и конференц-связей. Знал, что новизна плюс алкоголь плюс удалённость от дома равняется повышенной вероятности сексуального контакта. Знал — и всё равно сел с ней.

Они обедали, и она рассказывала про свой проект — она изучала, как антидепрессанты влияют на способность к романтической привязанности. Оказалось, что селективные ингибиторы обратного захвата серотонина подавляют не только тревогу, но и способность влюбляться. «Мы лечим депрессию, но отнимаем у людей возможность любить, — говорила она, накалывая на вилку кусок лосося. — Парадокс. Мы делаем их спокойными, но пустыми». Данилов слушал и думал, что это похоже на их брак. Спокойный, но пустой. Или не пустой? Ещё утром он не считал его пустым. Что изменилось?

Вечером он пошёл в свой номер и включил ноутбук. Нужно было ответить на письма. Он открыл почту — два письма от Елены, одно от издателя, одно от бухгалтерии. Прочитал письма от Елены. Первое: «Как доклад Анны Бергстрём? Я читала её статью, кажется, сильная работа». Второе: «Не забудь про наш контракт. Через год продление. Я начала готовить новый проект. Нужно обсудить».

Данилов смотрел на экран. Елена знала про Анну Бергстрём. Знала её статью. Знала, что та будет на конференции. И спрашивала о докладе так, как спрашивают о коллеге. Ничего личного. Никакой ревности. Ревность была исключена из их контракта как нерациональное поведение.

Он ответил: «Доклад хороший. Данные надёжные. Она предлагает соавторство в NBR». И на второе: «Обсудим, когда вернусь».

Потом лёг в постель и долго лежал без сна. Перед глазами стояло лицо Анны. Не улыбка — улыбку он помнил смутно. А именно лицо, когда она смотрела в окно кофейни и говорила про бывшего мужа. Что-то в этом лице было, чего он не мог расшифровать. Какая-то тень, проходящая по лобной коре, активация какой-то зоны, которую он не мог назвать.

Он включил ноутбук снова и зашёл в базу данных PubMed. Ввёл: «facial expression, romantic interest, fMRI». Выпало триста сорок семь статей. Он открыл первую. Читал полчаса, делал пометки.

Ничего. Никакого объяснения.

Он выключил ноутбук и уставился в белый потолок. Где-то в соседнем номере играла музыка — тихо, почти неслышно. Может быть, это был номер Анны. Может быть, она тоже не спала.

Он запретил себе думать об этом.

Но подумал.

И уснул только под утро, когда в окне уже серело ноябрьское небо Стокгольма и снег начинался заново. Ему приснилась трещина на потолке, которая превратилась в дендритное дерево, а потом в лицо, но чьё — он не запомнил.

Сбой

На третий день конференции Данилов проснулся с головной болью. Боль была тупой, давящей, локализованной в лобной области — там, где префронтальная кора принимает решения. Ирония не ускользнула от него. Он лежал, прижимая пальцы к вискам, и думал, что решение нужно принять. Не сейчас. Не сегодня. Но скоро.

Он знал, что происходит.

Знал с клинической точностью. Дофаминовая система активирована новым стимулом. Прилежащее ядро выбрасывает нейромедиатор в ответ на образ Анны Бергстрём. Вентральная тегментальная область работает на полную мощность. Серотонин падает — вот почему он не может спать и вот почему мысли о ней приобретают навязчивый характер. Классическая картина. Он мог бы нарисовать её с закрытыми глазами — график, где ось X это время, а ось Y это интенсивность симптомов. Пик приходится на период от трёх до шести месяцев после первой встречи. Потом плато. Потом спад. Потом возвращение к базовому уровню.

Он знал всё это.

И ничего не мог сделать.

Нет, неправда. Мог. Он мог избегать её. Мог сослаться на занятость, на подготовку к докладу, на головную боль — в конце концов, голова действительно болела. Мог запереться

в номере и не выходить до отлёта. Мог позвонить Елене и попросить её сказать что-нибудь отрезвляющее — она умела это делать. Одно её слово, один график, одна цифра — и его мозг встал бы на место.

Но он не сделал ничего из этого.

В восемь утра он уже стоял в фойе, делая вид, что читает программу конференции. На самом деле он ждал. Он знал, что она спускается на завтрак в это время — вчера они встретились здесь случайно, и он запомнил. Нет, не случайно. Он запомнил специально. Его мозг, как послушный пёс, зафиксировал время и место и теперь привёл его сюда ровно к восьми.

Она появилась через семь минут. В тёмно-зелёном свитере, который делал её глаза зеленоватыми. Или это освещение. Данилов поймал себя на том, что думает о цвете её глаз, и мысленно отвесил себе пощёчину.

— Доброе утро, — она улыбнулась. Улыбка была уже не короткой, как в первый раз, а более открытой, как будто они знали друг друга давно. — Доброе. Как спали? — Плохо. Готовилась к сегодняшнему круглому столу. Вы участвуете? — Да. Тема «Будущее нейробиологии эмоций». Буду отбиваться от философов. — Я буду на вашей стороне.

Они вместе пошли на завтрак. Данилов взял свой обычный набор — овсянка, яйцо, кофе. Анна взяла только кофе и круассан. Она сказала, что не завтракает плотно перед выступлениями — адреналин мешает пищеварению. Данилов

кивнул. Он понимал. Он сам не мог есть перед важными докладами.

За завтраком они говорили о круглом столе. Анна рассказала, что будет модерировать дискуссию профессор Линдквист, старый швед, который до сих пор верил в какую-то «эмерджентность сознания». Данилов фыркнул. Эмерджентность. Слово-паразит, которое используют, когда не могут объяснить механизм. «Эмерджентность» — это просто признание в невежестве, обёрнутое в научную бумагу.

— Вы слишком категоричны, — сказала Анна. — Я учёный. Категоричность — моя работа. — Но мир сложнее наших моделей. — Мир — это и есть наши модели. Другого мира у нас нет. Реальность — это интерпретация данных сенсорными системами. А интерпретация всегда ограничена разрешающей способностью прибора.

Анна посмотрела на него с интересом, который Данилов не мог расшифровать. Не восхищение — она не выглядела восхищённой. Скорее, изучающей. Как будто он был образцом под микроскопом.

— Вы всегда так думали? — спросила она. — Всегда. — С детства? — С тех пор, как начал думать.

Она отпила кофе и замолчала. Данилов вдруг испугался, что сказал что-то не то. Испугался — вот оно, это слово. Он, который гордился отсутствием страха перед чужим мнением, сейчас боялся, что она сочтёт его слишком холодным. Слишком механическим. Раньше он носил это как знак от-

личия. Теперь это вдруг показалось недостатком.

— У вас есть друзья? — спросила она неожиданно.— В каком смысле?— В прямом. Люди, с которыми вы говорите не о работе.— У меня есть жена. И коллеги.— Я спросила про друзей.

Данилов задумался. Друзья. У него были приятели в аспирантуре, но они разъехались. Был однокурсник, с которым он иногда переписывался по почте — раз в полгода, не чаще. Был сосед по лестничной клетке, который здоровался. Были люди, с которыми он работал. Но друг? Человек, которому можно позвонить ночью и сказать: «Мне плохо»? Такого не было. Он никогда об этом не жалел. Он не понимал, зачем это нужно. Есть проблемы — есть решения. Если решение требует участия другого человека, это называется делегирование. Если не требует — справляйся сам.

— Нет, — сказал он честно. — Друзей нет.

Анна кивнула. Не осуждающе. Скорее, подтверждая какую-то свою гипотезу.

— У меня тоже нет, — сказала она. — После развода я перестала общаться с общими знакомыми. А новых заводить некогда.— Вам одиноко?

Она посмотрела в окно. За стеклом падал снег — такой же, как вчера, позавчера, всегда. Снег в Стокгольме был постоянной величиной.

— Иногда. Но я заглушаю это работой. Работа — лучший анестетик.

Данилов хотел сказать, что это неправильно — использовать работу как анестетик, что это приводит к выгоранию, что есть исследования, показывающие связь между трудоголизмом и депрессией. Но не сказал. Потому что понял: она это знает. Она нейрехимик, она изучает депрессию. Она знает про себя всё, что можно знать. И продолжает делать то же самое.

Так же, как он.

Круглый стол начался в одиннадцать. Зал был полон — тема привлекла не только нейробиологов, но и гуманитариев, которые всегда чуяли, где можно поспорить о душе. На сцене сидели пятеро: профессор Линдквист, модератор, сухой старик с бородой клинышком; философ из Оксфорда, толстый и потный, несмотря на кондиционер; психолог из Калифорнии, молодая женщина с татуировкой на запястье; Анна; и Данилов.

Линдквист открыл дискуссию длинной речью о том, что наука зашла в тупик, редуцируя человеческие эмоции до молекул. Он говорил о «таинстве любви», о «непостижимости человеческого сердца», о том, что Данте и Шекспир знали о любви больше, чем все нейробиологи вместе взятые. Данилов слушал и чувствовал, как в нём закипает раздражение. Это была старая песня. Её пели ему на каждой конференции, на каждом ток-шоу, в каждой рецензии на книгу.

Когда Линдквист закончил, микрофон перешёл к Данилову.

— Профессор Данилов, — сказал Линдквист с улыбкой, которая должна была выглядеть дружелюбной, но выглядела снисходительной, — вы, кажется, придерживаетесь иного мнения.

— Я придерживаюсь фактов, — сказал Данилов. — Факты таковы. Когда человек говорит, что он влюблён, мы можем измерить уровень дофамина в его прилежащем ядре. Мы можем увидеть активацию вентральной тегментальной области на фМРТ. Мы можем предсказать длительность его отношений по плотности окситоциновых рецепторов. Всё это воспроизводимые, проверяемые данные. Данте и Шекспир не дали нам ни одного воспроизводимого результата. Их свидетельства — это анекдоты.

По залу прошёл шум. Философ из Оксфорда подался вперёд, хватаясь за микрофон.

— Вы сводите человеческий опыт к цифрам! — воскликнул он с пафосом, который, вероятно, производил впечатление на студентов. — Разве можно измерить красоту? Разве можно взвесить страдание?

— Можно, — сказал Данилов. — Красота — это активность медиальной орбитофронтальной коры, которую мы измеряем в баллах по шкале BOLD-сигнала. Страдание — это активность передней поясной коры и островка. У меня в лаборатории есть приборы, которые делают это каждый день. Если вы считаете, что ваше страдание неизмеримо, — придите, я измеряю.

Философ побагровел. Анна, сидевшая рядом с Даниловым, чуть заметно улыбнулась.

— Вы лишаете человека тайны, — сказал Линдквист примирительно. — А без тайны жизнь теряет смысл.

— Смысл — это тоже нейрохимический процесс, — ответил Данилов. — Выработка дофамина при достижении целей. Если вам нужна тайна, чтобы вырабатывать дофамин, — это ваше право. Но не выдавайте это за науку.

Дискуссия продолжалась ещё час. Спорили, перебивали, жестикулировали. Психолог из Калифорнии пыталась примирить стороны, говоря о биопсихосоциальной модели, но её никто не слушал. Анна выступила с коротким замечанием о том, что понимание механизмов не отменяет феноменологического опыта, но и не делает его магическим. Данилов смотрел на неё и думал, что она говорит именно то, что он сам хотел бы сказать, только лучше — мягче, дипломатичнее. Он не умел так. Он умел только бить фактами.

После круглого стола к нему подошли несколько человек. Кто-то спорил, кто-то благодарил, кто-то просил автограф на книге. Данилов расписался на трёх экземплярах «Любви не существует» и на одном салфетке — девушка-студентка сказала, что книга изменила её жизнь. Он кивнул и забыл её лицо через секунду.

Анна ждала его у выхода.

— Вы были в ударе, — сказала она. — Я был собой. — Знаю. Поэтому и говорю — в ударе.

Они вышли из здания. Снег прекратился, и сквозь облака пробивалось что-то похожее на солнце — редкое для ноября, почти забытое. Анна предложила пообедать не в отеле, а где-нибудь в городе. Данилов согласился. Они нашли ресторанчик на набережной — старый, с деревянными балками под потолком и свечами на столах. Свечи. Это было слишком. Слишком романтично. Данилов чуть не сказал об этом вслух, но смолчал.

Они заказали рыбу — какую-то местную, название которой он не запомнил. Анна говорила о своей работе, о том, как трудно получать гранты в Швеции, о том, что она подумывает переехать в Америку. Данилов слушал и вдруг поймал себя на мысли: а что, если бы она переехала к нему? В его лабораторию? В его город? В его квартиру?

Он одёрнул себя. Это безумие. У него контракт. У него жена. У него жизнь, выстроенная как идеальный график.

— О чём вы думаете? — спросила Анна. — О работе, — соврал он. Соврал впервые за долгое время. Раньше ему некому было врать.

После обеда они гуляли по городу. Анна показывала ему остров Юргорден, где стоял старый военный корабль, превращённый в музей. Они ходили по палубе, трогали деревянные перила, читали таблички. Данилов не интересовался историей — она была для него просто последовательностью событий, лишённой научной строгости. Но здесь, рядом с Анной, даже старый корабль казался чем-то значительным.

Или не корабль. А то, что она стояла рядом, и ветер с залива трепал её волосы, и она смеялась, когда он сказал что-то про шведскую бюрократию.

Смеялась.

У неё был хороший смех. Негромкий, как будто она смеялась в себя, а не наружу.

Данилов вдруг понял, что хочет, чтобы она смеялась ещё. Чтобы он был причиной этого смеха. Это было новое желание, не связанное ни с сексом, ни с работой, ни с выгодой. Просто желание. Просто хотеть.

— Завтра ваш доклад, — сказала Анна, когда они возвращались в отель. Уже темнело — в ноябре темнело рано, часа в четыре. Фонари отражались в мокрой брусчатке.— Да.— Волнуетесь?— Нет. А нужно?— Нет. Но люди обычно волнуются.— Я не обычно.

Она остановилась. Они стояли на маленьком мосту через канал. Вода была чёрной, маслянистой, в ней дрожали огни.

— Михаил, — сказала она, и он заметил, что она впервые назвала его по имени без «профессор» и без отчества. — Можно задать личный вопрос?— Задайте.— Вы счастливы?

Вопрос ударил его, как разряд дефибриллятора. Счастлив. Он не задавал себе этот вопрос никогда. Вернее, задавал, но в другой формулировке: «Эффективна ли моя жизнь?» На этот вопрос ответ был «да». Эффективность высокая. Продуктивность выше среднего по отрасли. Целевые показатели достигаются. Но счастье? Это ненаучный термин.

В психиатрии используют «субъективное благополучие», но и его он у себя не измерял.

— Я не знаю, — сказал он. И это была правда.

Анна кивнула, как будто ожидала именно такого ответа.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Я изучила счастье вдоль и поперёк. Знаю все нейромедиаторы, все структуры, все корреляции. Могу измерить его у любого человека. А у себя — не могу. Как будто прибор не работает на операторе.

— Может быть, счастье — это не состояние, а процесс? — сказал Данилов, удивляясь сам себе. Он никогда не говорил таких вещей. Это было ненаучно, почти поэтично. — Может быть. Но процесс требует движения. А я стою на месте. И вы... мне кажется, вы тоже.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде было что-то, от чего у Данилова перехватило дыхание. Не метафорически — реально перехватило, диафрагма сжалась, воздух застрял в трахее. Он знал физиологию этого ощущения — спазм гладкой мускулатуры бронхов под влиянием вегетативной нервной системы. Но знание не помогало. Воздуха всё равно не хватало.

— Анна... — начал он и не закончил.

Потому что она вдруг сделала шаг вперёд и поцеловала его.

Это не было похоже на поцелуи с Еленой. С Еленой поцелуи были частью протокола — определённая продолжительность, определённая интенсивность, без лишней слюны.

Этот поцелуй был другим. Он не поддавался измерению. В нём был вкус кофе и холода, запах её духов — что-то цитрусовое, — и ещё что-то, чему не было названия. Данилов стоял, не отвечая, не отстраняясь, просто позволяя этому происходить. Его мозг, его прекрасный, тренированный мозг, который всегда находил объяснение всему, сейчас молчал. Ни одной мысли. Только ощущения.

Она отстранилась первой.

— Простите, — сказала она, и голос у неё был ниже обычного, с той самой хрипотцой, которую он заметил в первый вечер. — Я не должна была. — Нет, — сказал он. — Не должны были.

Но он не хотел, чтобы она извинялась. Он хотел, чтобы она сделала это снова. И ещё. И ещё. Его тело говорило на языке, который был старше его теорий, старше науки, старше всего, что он знал.

— Я пойду, — сказала Анна. — Увидимся завтра. На докладе.

И ушла. Быстро, не оборачиваясь. Её шаги затихли на том конце моста.

Данилов остался стоять. Снег снова пошёл — мелкий, колючий. Он стоял и смотрел на чёрную воду, и в голове, наконец, включился внутренний голос. Тот самый, который всегда комментировал, анализировал, раскладывал по полочкам.

«Итак, — сказал голос. — Что мы имеем? Поцелуй. Ини-

цирован объектом А.Б. Продолжительность — ориентировочно семь секунд. Субъективная оценка — находится за пределами шкалы. Физиологические реакции: тахикардия (пульс около ста десяти), гипервентиляция, спазм диафрагмы, предположительно — активация симпатической нервной системы. Нейрохимический профиль: резкий выброс дофамина, норадреналина, возможна активация опиоидной системы (обезболивающий эффект — обрати внимание, что холод перестал ощущаться). Диагноз: острая фаза романтической влюблённости. Прогноз: при продолжении контакта — усиление симптомов, пик через три-шесть месяцев, плато, спад. При прерывании контакта — возвращение к базовому уровню через две-четыре недели. Рекомендация: прервать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.